

18+

Товарищ ЭХО

Шаманархия
и ее нагвали

Товарищ Эхо

Шаманархия и ее нагвали

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25199615

ISBN 9785448554971

Аннотация

Здесь собраны осенние листки дядюшки Айли Бу, выцеженные из сетевых медитаций и оглядок на фрактальные лабиринты. Нечетные фигуры – по шагу на каждую – для стен и лестниц Контроля. На обложке – картина Hawk Alfredson «Soarauroga».

Содержание

Благодарности	6
Пролог	7
[психоделический коммунизм]	7
[noPolitics/noComments]	9
Нагвали	11
[первое говорение – человек стоял на берегу]	11
[второе говорение – горы с обратной стороны]	13
[третье говорение – рождение зверей]	15
[четвертое говорение – желтые партизаны]	17
[пятое говорение – Лунные доктора приходят на землю]	19
[шестое говорение – Человек-Сова говорит]	21
[седьмое говорение – хранители радуги]	23
[восьмое говорение – маяк и космическая рыбина]	25
[девятое говорение – к взлёту готов!]	28
[реприза]	30
[одиннадцатое говорение – огни святого Эльма i]	31
...и всё, что после	33
[нулевое говорение]	33
[первое говорение]	37
[второе говорение]	39

Шаманархия и ее нагвали

Товарищ Эхо

Иллюстратор Hawk Alfredson

© Товарищ Эхо, 2020

© Hawk Alfredson, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4485-5497-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

С берегов нашей цветущей Утопии хочу выразить огромную благодарность автору иллюстрации и частому гостю планеты Gong и сопредельных систем/звездных скоплений – Hawk Alfredson, который сам по себе – целая вселенная.

На обложке – его картина Soaraurora.

Сайт художника

<http://www.hawkalfredson.com/>

Пролог

Мудрая лиса учит охотника – проснуться.

[психоделический коммунизм]

Я несу свою голову в нагрудном кармане измятой рубахи,
Руны вселенного солнца ощупывая клеткой грудною;
Язык мой подвешен как маятник над планетарной
плахой:

Даешь над массаами новую диктатуру психоделического
строя!

Изгрызен мозг натурфилософии и гуманизма дрязгами,
Опьянено само время свободы поводами ложными.
Каждый, пресытившийся механистического
существования ядами,
Подчинение общему строю воспринимает как должное.

В спирали эволюции спутаны замещенной истории
перипетии.

Болезнь вы-роста личности склонна к повторению —
Контрапункты контроля в сознании рождают склонность
к тирании.

Вожделение жизни ярче стократно к смерти стремления.

В головах – зловонно и затхло от избитой архаики
изобилия,

Самозванцы чертят мерзотной классовости очередные
табели,

Чувство мщения в «душе» потребителя веры граничит
с бессилием:

Вам – моя коммунистическая табель психоделической
жажды!

[noPolitics/noComments]

Давайте продолжать постоянно оглядываться:
Что сказала говорящая голова по телевизору;
О чем мычит красномордый толстопуз по радио;
Какой генеральной линии придерживается штаб
сегодня и
По каким координатам мразности и подлости
Разрастается стратегия штабов потенциального
противника;
Какую низость совершил сосед (тем самым
Даровав нам право на низость большую к другим
соседям);
Чей запрет лучше соответствует общей моральности
народов;
И кого нужно убить/закрыть/унизить для того,
Чтобы народ был счастлив, чтоб осознал свою
духовность;
Что говорит соседка об экономике Магриба и
Соединенных штатов; в какой части лица
Растут бороды у пидарасов, и какую великую истину
Нам могут сообщить поп-звезды;
Куда ронять бомбы, чтобы мир стал во всем мире;
Где разводить базар и развал за религиозное мракобесие
(Чтобы после героически и с почестями похоронить
Сотню-другую солдат);
Каким цветом вышивать воротники, чтобы патриотизм;

В чью военную форму одевать детей, чтобы гордость;
Чьим пеплом продолжать писать историю,
Чтобы в настоящем не думать о живых.
Давайте продолжать постоянно оглядываться,
Ведь чужое «мнение», вшитое в рептильный мозг, важнее
знания;
Ведь только так мы сможем понять, кто за нас, кто
не с нами;
Кто чужой, цветной, красный, зеленоглазый, не по уставу
одетый, звучащий
В другой тональности, другим голосом, другим языком.
Территории и их закрытые границы – это важно,
Это наше наследие – то, что мы оставим детям и детям
Наших детей, королевство кривых и горбатых,
Имеющих прошлое, имеющих точку зрения,
Озвученную кем-то/о, психология стариков и калек:
Бараки, храмы, тюрьмы – костыли мышления,
Глобальная культура подчи/потребления
(и, кстати, чьи стереотипы зальешь ты сегодня
В слоты собственной памяти?)

Нагвали

[первое говорение – человек стоял на берегу]

Разбросав вдоль берега трубки-хоботки,
Облакоэлектростанция вылупилась у реки:
Крохотные мигли раскрутили её зубчики и шестеренки,
Из корней выцеживая кровь травы.

Чтобы билось огромное сердце в бетонной груди,
Чтобы курились трубы и вращались турбины,
Чтобы тучные стада топтались над городами,
Укрывая улицы пепельной периной.

Человек гладил стены и думал огромные мысли
О своем всеисии, власти лжи и её смысле.
В землю под его ногами вгрызались иглы тонкие,
Ядовитые снежинки на ветвях древесных висли.

Тучи производили холод и давали снег;
Засыпал снег город и в изголовье рек
Сваливался в кокон, обрастал льдами —
Рождался снежными гиенами солнца поперёк.

И большая ночь по всей земле рассыпáлась,
Растряслась, раззвенелась, там и осталась;
Снежные гиены пришли в город разорять сады
и гнёзда —
Все-все зажмурились взрослые. Сделались спящие,
испугались.

От великой стужи птицы растревожились,
Железные перья сладили, стали толстокожими.
Полетели облакоэлектростанцию крушить бомбами
сердец своих, вольные,
На человеческих птиц похожие.

И стальные птицы им навстречу летели,
Неживые сердца в их груди тархтели —
Облакоэлектростанция огнём небо царапала грозно —
Железные перья плавилась и горели.

Человеческие дети подбирали птиц упавших трупики,
Вокруг туловок неумело спутывали прутики,
Большую солнечную мельницу строили —
Солнце небу вернуть хрупкое.

Детский смех о земную бился плаху;
Солнечная мельница перемальывала мир в труху.
Человек любовался делом рук своих.
Человек – последний – стоял на берегу.

[второе говорение – горы с обратной стороны]

Над зелёной гостиной – заповедник луны и звёзд
Нанесён серебряной тушью на пергамент, лишенный
границ.

В самых дальних их сумерках спрятан солнечный мост,
Сложенный из закатом выточенных спиц.

Мост ведёт через бездну каждого смертного сна,
Через спорые воды той самой реки,
В которую дважды не ступишь ночью, ни среди бела дня.
И воды её неподвижны и глубоки.

Мост ведёт через бездну к подножию гор,
Поглощающих время, пространство реальности Ны.
С чьих вершин наблюдают движение солнечных волн
Внебоглядые и молчуны с другой стороны.

В их домах: верстаки для создания птичьих душ,
С бледной пылью реторты, перегонные кубы
Для питания ткани вселенной и её кружев,
Астролябии, карты ветров луны.

У подножия гор стережёт их покой
Сисиутл-Эа, пожирающий имена.

В жизни прошлой, забытой, здесь был город живой,
Но однажды его поглотила война.

И был создан бессмертный двуглавый змей,
Чтоб божественной истиной смерть оправдать.
Оживить пустоту, приходящую следом за ней
К тем, кто чужую жизнь смог отнять.

И сгорали огнем над землёй корабли,
И с оружием шел народ на народ.
Схоронив мертвецов, живые ушли.
Сисиутл бессмертен. Он здесь живёт.

На пустом берегу Сисиутл ждёт.
Так высматривая в мареве звёзд того,
Кто обратно от смерти к рождению пройдет
И по имени сможет назвать его.

[третье говорение – рождение зверей]

Стало много пустых городов и полого тела.
Дымные трубы торчат над городом точно ангелов иглы,
Цепляют облачные брючины зимнего неба – белые
Обнажая снегов икры.

Стало много потешной войны в головах и квитанциях;
Калки на танке несётся вдоль узкоколейки в город.
Телефонная книга бога забыта на станции;
Мир вокруг себя выбелен и распорот.

Лунные доктора настраивают лунные телескопы,
Читают телефонную книгу, пролистываемую ветром:
Выбирают имя из калейдоскопа
Всех живых и мертвых, связанных обетом

Возвращения. Там, где случается магия выбора,
Реальность раскалывается катаклизмом.
Лунные доктора над городом-призраком
В рукописной книге имена отлистывают;

И из огромной вселенной щели,
Распахнувшей мир от неба и до горизонта,
Приходят в реальность прозрачные дикие звери,
Безвестных времён архонты.

Их время медленнее цивилизаций,
За один только шаг города вырастают и
Обращаются в прах: государства и нации
Порастают быльём и себя забывают.

Лунные доктора с конца читают имя,
Времени снега́ берег Леты заматают.
Часовые стрелки застывают – между ними
Призрачные звери медленно шагают.

[четвертое говорение – желтые партизаны]

Желтые партизаны, галактические менестрели
В пространственных джунглях вселенного океана —
Перемещаются по дуге горизонта, следуя солнцу, на
Орбитальных радужных зверях.

В их ладонях – пыль звёзд, весна.
Лунные доктора выписывают от смерти рецепты:
Сироп из детских грёз, к звезде пса вектор.
Здесь расстояний нет, но человек – волна.

Младший Иаков живет в кроне,
На самой вершине, к млечному пути птиц ближе.
Считает звезды, коллекционирует качели, жестяные
крыши,
Сам – ветер, эхо. И всё, что кроме.

В его карманах – осколки снов, в укроме;
Горы и реки, осенних электричек рельсы.
И тихий голос, ты услышишь, если
Глаза зажмуришь в полдень, летом, в пустом доме.

Послушай голос, он расскажет,
Где дремлет камень, под которым ключ от двери

Закона: каждому – по вере.
И всё, что происходит дальше.

Есть те, кто остаётся в мире за порогом:
Мудрейшие из рыб, питающие космос Леты,
Трёхглазые медведи, сфинксы, знающие все ответы,
Забывшие вопрос. И каждый, слывший богом.

Меж ними ты... есть продолженье эха.
В стремлении понять великую гармонию
Так часто склонен к повторению
Границ, навязанных любому человеку.

[пятое говорение – Лунные доктора приходят на землю]

город-сад, город-скит.

Куцые улицы.

Такие одинокие.

И так гулко отзывающиеся шагам.

Есть воды времени. А есть океана воды.

Глубокие.

И также исхоженные телами прошлыми —

Вдоль и, пополам,

Вглубь,

туда, где чешуя рыба рыба серебрится.

Где, отзываясь на изломанные толщей воды солнечные
лучи,

В небе над городом,

Садом,

Скитом

черная точка птицы

Застыла. Недвижимая висит.

И уходит в зенит.

С неба спускаются в полночь мира то ли ангелы,

То ли бесы с лицами белыми,

точно мраморными.

Они,
Ангелы то ли бесы,
могли быть прекрасными,
Странными.
Но они чужды этому миру и потому
холодны.

Как холоден воздух в округе,
как снегом вымыты;
Выстужены,
словно застывший в ладони лист,
Растерявший все буквы – на выдохе, паром, инеем
На стекле окон, смотрящих на улицу
точно
пара бойниц.

Они приходят
юны и всеильны,
С голосом на двоих – одним.
Точно слово, звучащее из легких над миром,
Говорит через них.
И становится тот час же
Дым.

[шестое говорение – Человек-Сова говорит]

В маске, слепленной наспех из веток и красной глины,
Щёлкая клювом птичьим, но в гриме мима —
То ли ангел, слетевший с коньков черепичной крыши,
То ли ворон, мертвых посланник, но смерти тише,

Неизвестного имени, племени, рода,
Он спускается в спящий город прежде восхода.
И собой повторяют то нисхождение
В разноцветных масках его отражения.

Город спит. И сны его зимние глуше
Скороговорок подземных рек. Спят его блудные души;
Лунные доктора снуют точно тени меж спящих
И их близнецов, своих жизней память хранящих.

Человек-сова бредёт пустующими коридорами,
Кухнями и комнатами, заглядывая в окна за шторы,
В поисках искры, пламени, всполоха света и цвета
Об утраченном имени в прошлом каждого человека.

И когда он отклик в памяти встречной отыщет,
Имя того человека из книги всех жизней вычтет,
Чтобы смертный к детству снова смог возвратиться

И проводником Эа возродиться.

Призрак древний проведёт того, кто будет готов,
Облачными путями мёртвых китов:

За великий космический предел, за солнечный редут,
Где хранители радуги годам счёт ведут.

[седьмое говорение – хранители радуги]

За лесом,
Дальше,
В сторону города,
Где над плёсом и
Выше плёса – дожди и
Гром,
Радуги часовня
По небу раскинута
Широко,
Смотрит вниз
Распахнутым оком.

Радуги хранители
В перьях и
Закатно-багряных,
Солнечных
Остроконечных лучах
Над в туманы и глины
Обряженною
Серостью плоти земной
Парят.

Обжигающе-белые

Электричества
Всполохи,
Точно снега хлопья,
Вниз падают.
И над твёрдым,
Покорным
Рисуют линии высоковольтные
С изнанки
Спирали радуги.

И белоглазые
Сфинксов лица
Облаком лепятся
В полный
человеческий
рост,
Чтоб вместе с громом
В укромном зарницы
капище
Смертным задать
Бессмертный вопрос.

[восьмое говорение – маяк и космическая рыба]

Сумуйнен родится из дыма над осенним костром,
Из огненных бликов от серебра серёжек дождя
На острие ястребиного взгляда там, где земля
От ударов подземного сердца вибрирует колоколом.

Перо его крепче стали и тоньше стебля травы,
Цветом – прозрачно, но бело, когда заходит луна;
Раз в десять лет он чешет спину о выступ скалы,
Оставляя осколки перьев в прожилках руды. Там,

Где рудокопы взбираются в гору и собирают руду;
С амальгамой из слезы феникса не бывает прочнее
зеркал,
Если успеет зеркальщик закончить работу к утру,
Прежде чем первый луч солнца на их поверхность упал.

Если успеют торговец зонтиками и ловец
Молний упрятать в свой огнеупорный футляр
Нечетный раскат, что, наконец,
Над долиной безмолвия прозвучал,

Будет закончен маяк, заложенный ещё королем
Всех заповедных птиц и зверей.

Будет неугасимый огонь в нём
Гореть для всех кораблей.

Будет назначен смотрителем старый полковник, поэт:
Призрак бесплотный, гордец, декабрист
При трубке, в плаще, франтоватом шарфе,
скрывающем след
От повешения на валу у куртин.

Он остался совсем один среди многоликих живых,
Но одиночество не досажает так,
Как досаждают ветер, уносящий бесплотное всё с земли
В потусторонний мир мертвых. В безжизненный мрак.

Но полковник глотает медную проволоку и ржавые
гвозди. Он
Хочет построить летучий корабль прежде чем кончится
эра рыб.
Он знает: сродни гравитации его рацион.
Он верит: доставит корабль его напрямик

К Тау Кита, если держать от Земли строго на юг,
Если суметь протянуть каких-то двенадцать лет
световых,
Что для мертвых – обыденный, в общем-то, труд.
И что непостижимо для живых:

Обратить своё время в пространство, успеть
Поймать вселенную рыбу, раз в две тысячи лет

Из космического океана ступающую на земную твердь,
Чтоб завершить рождение новых планет.

И уйти. Полковник нашептывает людям сны,
В которых: механика и чертежи – своим чередом.
И люди возводят корабль под флагом луны,
Её машинерии, точно гигантский дом.

Полковник вдыхает несуществующей трубки дым,
Вглядываясь с маковки маяка
В пустоту, берегущую память каждого из людей,
Безымянную. Где – он верит – ждёт его та,

Кто, по сути своей, сама любовь.
Анима. Кто приходит во снах сквозь круговерть
Непутевой реальности вновь и вновь.
Иначе, зачем ещё существует смерть?

[девятое говорение – к взлёту готов!]

Тонкая сбура дождя на мордах высоток
В пене прошлогодних облаков...
Великанские головы плывут над городом выше домов,
Поглощая первой весенней грозы молние-ток.

И птицы судачат на проводах телефонных,
Сквозь сумерки вечера друг друга вызванивая:
Что на проволочном пустыре себе прикарманили,
А что растеряли в щелях бетонных?

С непокрытой головой жилец парадных
Выходил, в ладонях деревянные крылья баюкая,
на крыльцо,
Распахивал глаза бездонные, подставляя каплям лицо:
Смотрел на коньки и окна чердачные – жадно.

На севере восходили, корнями за асфальты цепляясь,
Толстокожие ветряные колонны – в небо,
Качали бесчисленными кронами атмосферы небыль,
Мелкими всполохами озона под куполом разбегаюсь.

Пора! Пока держит крыло плоскость северо-западного
Ветра, несущего густой чистый воздух Балтики,
Пока закручивает облака воздуха статика,
Запускай вольность отчаянную воздухоплавания!

И он взбегает по лестнице на едином дыхании:
На чердак, в самодельный ангар
Из старого хлама, досок и одеял,
Выше клетушек, положенных для земных планетян
обитания,

Где дремлет с младенчества неболёт,
Небославный корабль, выросший на обломках
Золотистых лучей солнца, голосов звонких,
Превратившихся в собственных эхо слов.

Он взбегает по лестнице, чтобы успеть
Прежде чем всполох последний царапнет в окна,
Прежде чем звякнет бездомно поезд вечерний в стекла:
Его ждут все те, кто мечтал лететь.

[реприза]

Планеты проносятся мимо единой пространственной
глыбиной,

Летающий ялик проглочен космической рыбиной.

Его пассажиры – чудики и привидения

В межзвёздных кишках ищут теперь приключения,

Свой строя путь по проглоченным звёздам,

Врубаются в мира изнанку и внутренний космос.

Люди-лисы заматают следы их хвостами:

Сознаний кулисы пестрят разноцветными снами.

Космические чайники летят насквозь за облачные перья,

Питаемые солнечного вещества заряженными
батареями.

Надежно заперт внешний мир рамами оконными.

И знаком: ахтунг, всё ещё здесь водятся драконы.

[одиннадцатое говорение – огни святого Эльма i]

Снабжение временем прервано; даны:
Человечьи кости, подпирающие небо
От тверди – к тверди, спутанные, точно невод,
Удерживающий космического кита раны.

Звездные племена крадутся тропами звериными
Сквозь пудру созвездий и вселенное разнозвучие,
Перепонки улавливают в шелесте снега певучие
Имени слоги, связками неизъяснимые.

Всюду песок и камни, укрытые слоем снега,
Не то пепла, которым впору посыпать
Купол, дающий умение выпасть
Из застывшей реальности по кругу бега.

В космос песчинки привычное скольжение;
Звездные племена пожирают планет пространства.
Постоянство пыли, факта импринта постоянство —
Застыванию мира уподобление.

Взгляд с орбиты искажает свидетеля координаты.
По привычке сохраняю верность гравитации.
В общепринятой логике больше абстракции

Построения смыслов традиции и традиции стато.

После приходят облачные сутенеры,
Торговцы воздухом, солнца машинисты;
Пластилиновый бог лепит глиняного антагониста.
На ладонях планеты проступают фрактальные узоры.

Кит открывает глаза и сражается с придуманным драконом.

Пустота обретает форму слой за слоем —
Двое бьются на жизнь, оглашая материю воем,
И давая ей имя голосом. Логосом. Стоном.

...и всё, что после

**[нулевое говорение
которое должно быть прологом,
и которое рассказывает нам о том,
как Эа в первый и последний
раз уничтожил Станцию]**

Бум! БАМ! Шум-гам:

Пока я сидел в твоих садах, Бабалон,

Собой подменяя зверя,

В мир внутренний всех человеческих племён

Спустился могучий Эа.

Имя его ребёнок назвал,

(Имя его ребёнок назвал),

Зверем его ребёнок стал,

(Тенью его ребёнок стал),

Чтобы начать-начать разрушение.

Великое делание, как и великое рождение

В себе же носит смерть в зародыше —

Каждое новое человечество   зачинает
жертвоприношение,

Каждое новое человечество растворяется во множестве
Путей пожирания мира///
тише!!!

Тонконогие паразиты вылезают из кожи,
Тонконогие паразиты обрастают хитином —
Жужжат ядовитые облака станции, позже
Разрастаются плотным куполом над миром.

Темные города шлёпают кляксы памяти
По мостовым и закатанным в асфальт рекам.
Планета сделалась гладкая, как скатерть,
На заляпанном славой обеденном столе человека.

И даже золото стало тусклым, копотным,
Не способное подменить собою солнце:
Луженые глотки нудных давились ропотом,
Хрипели бессвязно и громко. Но

Эа уже спустился в мир и
Крошил и плющил теперь станции,
Вгрызался зубами в металл, в ржавчину, пир
Плоти устроив себе, пил радиацию:

И воздухом захлебывались живые существа вокруг —
В небе, копотью исцарапанном, вдруг, появлялись
проплешины —
Из изломанных корчей тел выламывался тяжкий недуг
Банальной алчности, выпотрошившей человечность. И

Белым становился ландшафт, пустоту заменяя
Травой.
Первые шаги по новой земле шагали дети,
Играя между собою.

А на месте пуха и праха, металлом оставленных,
Били ключи из недр истомлённых,
Дышали земные леса израненные,
Бродили в чащах звери новые.

И вместо Эа из тени его вылуплялось дитя,
Недоверчиво солнцу в лицо жмурясь.
И почёсываясь и кряхтя
Население озиралось окрест, привычно сутулясь.

«Что ты наделал?!
Ты уничтожил рук наших дело!
Теперь в упадок придёт цивилизация.
Ты лишил нас работы,
Ты лишил нас заботы,
Мы столько сил и годов жизни
Вложили в эту вот станцию!»

Со всех сторон неслоь недовольное и скрипучее:

Хватай его!
Покарай его!
В цепи его!

Запереть подонка под землю!
Чтобы даже имя его
Звучало теперь проклятием и оскорблением.

Навалилась толпа, как была, голытьбой, кучей.
Связали ребёнка накрепко, спеленали
И упрятали в самую глубокую яму,
Откуда виделась поверхность земная
Тусклым пятнышком, соринкой.
И из обломков и ржи металла
Бросились люди собирать свои механизмы
И станции
С самого их начала.

**[первое говорение
в которой появляется
первая бесхозная голова
и странствующие люди,
обнаруживающие её появление]**

Африканский шаман шёл афганской тропой
по узкоколейке Гданьск-Москва,

И увидел – в траве у воды валяется бесхозная голова,
Зрачками живых глаз вращает, выглядывая дождя соль
и ветра жы.

Африканский шаман, походя, под язык её дорожный
грош положил.

И оставил лежать на границе перронов, куда
Не приходят ни пассажиры, ни их поезда никогда:
Только чёрные птицы роняют тени в земли плодородное
семя,
Когда летят от заката, в обратную сторону – с юга
на север.

И ни единого следа кругом, ни единой живой души,
Здесь никто не знал отродясь – как её не ищи и как ни
дыши.

Контролёры ходили окрест хороводом не мёртвых
и не живых,
И молчало столетнее сердце за каждой разъятой грудиной
у них.

И носились с билетами души, спеша на восток, на восход.
От контролеров, свой завершая всевышний крестовый
поход:
От жизни к закату, строго от солнечной тени прочь,
И даже чуть дальше, в сумерки, в холод, в ночь.

Голова оставалась лежать, за облака и за корни цепляясь
глазницами.
И сны толпились у ея лба, не успевая людям присниться.
И небо от этих неснящихся снов таяло, падало, в падении
немо и гордо.
Баюкало в тучных ладонях не крылья, а от крыльев
оставшийся горб города.

[второе говорение в котором ангелы заводятся в бесхозных шкафах и сквотах]

В караганде шкаф из квартиры выкинули.
шкаф упал из окна третьего этажа в сугроб,
и из распахнувшихся створок выскочил ангел весь
в пыли,
схватившись руками большими за полы наизнанку
надёванного пальто,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.